

© 1991 г.

А. П. Пономарев

ПОДОЛЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН УКРАИНЫ

Любые обобщения, к которым стремится современная этнографическая наука, возможны лишь на основе кропотливого изучения конкретных народов во всем многообразии их этнических особенностей. Казалось бы в этой связи, что этнорегиональные исследования должны получить широкое распространение. Однако можно назвать лишь немного работ, посвященных комплексному изучению историко-этнографических регионов отдельных советских республик.

Дело тут, как представляется, в том, что до сих пор недостаточно разработаны многие вопросы историко-этнографического районирования республик, в частности определения его критериев и научных методик¹. В развернувшейся ныне на Украине дискуссии по данной проблеме² все отчетливее формулируется вопрос: а правомерно ли вообще подразделять ту или иную республику на отдельные регионы. И что такое районирование — своеобразный инструмент для последующего анализа или объективная реальность, являющаяся результатом специфического развития республики, зафиксированная к тому же в исторических документах и отраженная в самосознании населения?

Если считать районирование лишь одним из методов типологизации традиционно-бытовой культуры изучаемого народа, то вряд ли следует подходить к нему со строгими критериями (ведь в зависимости от конкретных исследовательских задач каждый ученый вправе создавать свою структуру районирования). Но если видеть в историко-этнографических регионах результат своеобразного социально-экономического, исторического и этнокультурного развития республики, то принцип районирования требует в этом случае строгой научной обоснованности и четкости критериев.

Думается, что одним из достаточно серьезных аргументов в пользу объективности районирования, независимо от исследовательских задач, может быть своеобразие развития отдельных районов каждой из республик, в прошлом нередко входивших в состав разных государств, различавшихся структурой политического устройства, социально-экономическим развитием, национальным составом, религией. А все это в целом оказывало влияние на складывание локальных территориально-культурных общностей. Закономерность их формирования известна: чем шире была сеть этноизолирующих барьеров и чем дольше они сохранялись, тем четче проявлялись этнокультурные ареалы, тем значительнее были различия в традиционно-бытовой культуре населения, проживающего в границах этих ареалов.

Многообразие локальных вариантов традиционно-бытовой культуры населения особенно характерно для Украины, многовековая история которой — это, в частности, история постоянной колонизации отдельных ее земель различными государствами. Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Австро-Венгерская монархия, королевская Румыния, буржуазная Чехословакия, Россия — все эти державы в свое время владели отдельными землями Украины, территориально разобщая украинский народ, сдерживая процесс его этнокультурной консолидации³.

Государственные границы Украины постоянно менялись, что в той или иной мере сказывалось на процессе формирования своеобразных черт традиционно-бытовой культуры и отчасти на краевом (этнорегиональном) самосознании населения. Кстати, проследить эти границы в контексте формирования этнорегионального самосознания и этнической ситуации представляется интереснейшей научной проблемой (пока недостаточно исследованной), и не только в познавательном плане, но и в практическом: анализ материалов предварительного

обследования позволяет, например, утверждать, что именно в пограничных этнокультурных зонах обычно сохраняются давние корни межэтнических конфликтов. Таким образом, выявление границ этнокультурных ареалов не представляется такой уж надуманной, далекой от жизни научной проблемой, находящейся в стороне от современных процессов этнического и этнокультурного развития.

Для украинских этнографов вопросы историко-этнографического районирования приобретают ныне особую значимость в связи с подготовкой серии трудов, посвященных этнорегиональным исследованиям. Уже вышли такие работы, как «Бойковщина», «Гуцульщина», «Полесье»⁴. Подготовлено исследование по этнографии Подолья, готовятся труды и по другим историко-этнографическим регионам Украины. Надо ли говорить, насколько важна для всех этих исследований четкость трактовки сущности историко-этнографических регионов как исходных положений для работ подобного плана.

Однако именно по данному вопросу среди исследователей существуют наибольшие расхождения, природа которых кроется в рассогласованности критериев районирования. Анализ показывает, что в их основе лежит преимущественно монодисциплинарный подход, соотносящийся с исследовательскими задачами той или иной области научного знания⁵. Заметим, что этой проблемой заняты не только этнографы, но и демографы, экономисты, историки, археологи, языковеды, антропологи, архитекторы, искусствоведы.

Так, экономисты, изучающие хозяйственную сферу жизнедеятельности Украины, в том числе социально-культурные аспекты, выделяют на ее территории такие исторически сложившиеся районы, как Правобережье, Левобережье, Степная Украина и Крым, Западная Украина. Основанием для районирования Украины, предприняемого языковедами, служит вариативность наречий и диалектов, которая и дала им возможность выделить несколько иные четыре зоны: юго-восточную, южную, юго-западную и северную. Искусствоведы, исследуя народное творчество, в частности музыкальное, также выделяют четыре района, но своеобразно понимаемые: Украинское Полесье, юго-восточный район, Галицию с Подольем и Горную Украину.

Перечень различных систем районирования Украины можно было бы продолжить, но, думается, и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в их несовместимости, собственно, и обусловившей несопоставимость границ этнокультурных ареалов. При разное, который наблюдается в подходе к районированию и выборе показателей, четкости в определении регионов нельзя было и ожидать. Да, собственно, представители разных научных дисциплин и не задавались целью осуществить историко-этнографическое районирование; они стремились выявить ареалы распространения того или иного компонента духовной или материальной культуры, каждый из которых, как известно, имеет свои законы бытования и сферу распространения. Отсюда и разное в районировании, и несовпадение границ выявленных ареалов.

Попытку преодолеть монодисциплинарный подход к районированию Украины украинские этнографы предприняли еще в конце 50-х годов, начав дискуссию по данной проблеме⁶. В качестве индикаторов этнокультурных процессов они использовали достаточно широкий круг показателей: сельскохозяйственные орудия, жилище, одежду, обряды, сельскую общину, рассматривая их на фоне исторического развития республики. К сожалению, комплексного подхода к осмыслению региональных аспектов этнокультурных процессов тогда не получилось. Каждый исследователь использовал, как правило, ограниченный набор показателей, относящихся только к сфере материальной или духовной культуры, к области либо производственного, либо общественного, либо семейного быта. В результате границы между выделенными историко-этнографическими регионами не совпадали.

Лишь в последние годы украинские этнографы осуществили ряд комплексных исследований традиционно-бытовой культуры населения Украины, что поз-

волило им внести определенные коррективы в существовавшее историко-этнографическое районирование. Современное районирование предусматривает в деление на территории Украины следующих историко-этнографических регионов: Среднее Поднепровье, Подолье, Карпаты, Полесье, Полтавщина и Слобожанщина, Юг Украины. Именно этот вариант районирования был положен в основу экспозиционной зоны Музея народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), открытого в 1976 г.

Не отрицая подобной системы районирования, считаем, что она все же не завершена. В ней отсутствуют такие важные с точки зрения истории развития края регионы, как Буковина, Буджак, Таврия, Покутье, Галиция, Подлясье, Червоная Русь. Представляется, что это результат нечеткости принципов районирования, которые по-прежнему основаны на преимущественно монодисциплинарном подходе⁷. Недостаточно определены также критерии районирования, как и само понятие «историко-этнографический регион». Что такое историко-этнографический регион, каковы его границы и связь с другим регионами, правомерно ли его современное выделение? Вот вопросы, требующие первоочередного разрешения.

Начнем с первого вопроса. Коль скоро речь идет именно об историко-этнографическом (а не каком-либо ином, например, экономическом) районировании, логично было бы одним из его признаков считать и с т о р и ч е с к и е о с о б е н н о с т и развития края. Действительно, что, как не своеобразие исторически судеб, расселения народов, их государственного устройства, определяет региональную самобытность населения того или иного региона? Дело лишь в том в каком соотношении с краем в целом находился этот регион в своем историческом развитии; имел ли он с ним развитую сеть связей или был относительно изолирован.

Понятие границы, таким образом, приобретает особую значимость. Локальные особенности культуры формируются не только в силу внутренней логики ее развития, но и под воздействием исторически складывавшихся условий включавших, в частности, определенную изолированность отдельных земель естественную, социальную, административную, государственную. Наиболее значимыми для процесса этнокультурного взаимодействия, как правило, оказывались государственные границы, поскольку они не только препятствовали этнокультурному общению населения в прошлом единой территории, но и создавали условия для разного социально-экономического и этнокультурного развития народа.

Это обстоятельство обуславливает потребность при историко-этнографическом районировании специально исследовать историю пограничья этнотерриториальных регионов, выявить роль границы в формировании локальных особенностей традиционно-бытовой культуры их населения. Обратимся с этой целью к анализу одного из историко-этнографических регионов Украины — Подолье. Такой анализ следовало бы начать с осмысления его исторического названия, полагая, что сам факт его фиксации документами сопряжен с закреплением в памяти людей, т. е. с формированием регионального самосознания. А именно это дает основание считать ту или иную часть территории историко-этнографическим регионом. В нашем случае это особенно важно, если учесть что до недавнего времени некоторые исследователи считали Подолье не самостоятельным историко-этнографическим регионом, а лишь одной из зон Правобережья⁸. Подобный подход наблюдается и в отношении ряда регионов, не включенных в нынешнюю систему районирования.

Если исторически фиксируемое название региона считать ключевым для систематизации районирования, то с бытовавшей позицией согласиться нельзя. Ведь Подолье как наименование края издавна упоминается в различных документах (в разное время его название варьировалось: Подолля, Подолле, Подол). В XIII в. так обозначали дольную, т. е. нижнюю, часть галицко-русского княжества, именуя ее также Русью низшей и Русью дольной⁹. В качестве ж

волило им внести определенные коррективы в существовавшее историко-этнографическое районирование. Современное районирование предусматривает выделение на территории Украины следующих историко-этнографических регионов: Среднее Поднепровье, Подолье, Карпаты, Полесье, Полтавщина и Слобожанщина, Юг Украины. Именно этот вариант районирования был положен в основу экспозиционной зоны Музея народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), открытого в 1976 г.

Не отрицая подобной системы районирования, считаем, что она все же не завершена. В ней отсутствуют такие важные с точки зрения истории развития края регионы, как Буковина, Буджак, Таврия, Покутье, Галиция, Подлясье, Червоная Русь. Представляется, что это результат нечеткости принципов районирования, которые по-прежнему основаны на преимущественно монодисциплинарном подходе. Недостаточно определены также критерии районирования, как и само понятие «историко-этнографический регион». Что такое историко-этнографический регион, каковы его границы и связь с другими регионами, правомерно ли его современное выделение? Вот вопросы, требующие первоочередного разрешения.

Начнем с первого вопроса. Коль скоро речь идет именно об историко-этнографическом (а не каком-либо ином, например, экономическом) районировании, логично было бы одним из его признаков считать и с т о р и ч е с к и е о с о б е н н о с т и развития края. Действительно, что, как не своеобразие исторических судеб, расселения народов, их государственного устройства, определяет региональную самобытность населения того или иного региона? Дело лишь в том, в каком соотношении с краем в целом находился этот регион в своем историческом развитии; имел ли он с ним развитую сеть связей или был относительно изолирован.

Понятие границы, таким образом, приобретает особую значимость. Локальные особенности культуры формируются не только в силу внутренней логики ее развития, но и под воздействием исторически складывавшихся условий, включавших, в частности, определенную изолированность отдельных земель: естественную, социальную, административную, государственную. Наиболее значимыми для процесса этнокультурного взаимодействия, как правило, оказывались государственные границы, поскольку они не только препятствовали этнокультурному общению населения в прошлом единой территории, но и создавали условия для разного социально-экономического и этнокультурного развития народа.

Это обстоятельство обуславливает потребность при историко-этнографическом районировании специально исследовать историю пограничья этнотерриториальных регионов, выявить роль границы в формировании локальных особенностей традиционно-бытовой культуры их населения. Обратимся с этой целью к анализу одного из историко-этнографических регионов Украины — Подолью. Такой анализ следовало бы начать с осмысления его исторического названия, полагая, что сам факт его фиксации документами сопряжен с закреплением в памяти людей, т. е. с формированием регионального самосознания. А именно это дает основание считать ту или иную часть территории историко-этнографическим регионом. В нашем случае это особенно важно, если учесть, что до недавнего времени некоторые исследователи считали Подолье не самостоятельным историко-этнографическим регионом, а лишь одной из зон Правобережья⁸. Подобный подход наблюдается и в отношении ряда регионов, не включенных в нынешнюю систему районирования.

Если исторически фиксируемое название региона считать ключевым для систематизации районирования, то с бытовавшей позицией согласиться нельзя. Ведь Подолье как наименование края издавна упоминается в различных документах (в разное время его название варьировалось: Подолля, Подолле, Подол). В XIII в. так обозначали дольную, т. е. нижнюю, часть галицко-русского княжества, именуя ее также Русью низшей и Русью дольной⁹. В качестве же

самостоятельной земли Подолье упоминается с XIV в., в частности в грамоте князя Александра Корнятовича, именовавшего себя «Господарем земли Подольской». Преемники же Корнятовичей называли себя уже «князьями Подолии»¹⁰.

Кстати, тот факт, что Подолье в официальных документах стало называться «землей», указывал на достижение им относительной политической самостоятельности. Жители, его населявшие, отмечает не без некоторой наивности М. Симашкевич, считались как бы отдельной нацией и потому имели свои особые законы и обычаи, свои, так сказать, национальные права и преимущества, своих особых правителей, которые титуловались «князьями, господарями и дедичами земли Подольской»¹¹.

На протяжении столетий наименование «земли Подольской» менялось, сохраняя тем не менее ключевое понятие «Подолье». С 1434 г. Подолье теряет свою самостоятельность и целостность: одна его часть под названием Подольского воеводства вошла в состав Польши, а вторая — Брацлавское воеводство — в состав Литвы. После первого раздела Польши Подольское и Брацлавское воеводства отошли к России, преобразовавшись в области, затем в наместничества, а с 1796 г. — в Волинскую и Подольскую губернии.

Такое административное деление сохранялось до Октябрьской революции, а после установления на Подолье советской власти и окончания гражданской войны Подольская губерния была упразднена. На ее территории были созданы в 1932 г. Винницкая, а в 1937 г. Каменец-Подольская (с 1954 г. — Хмельницкая) области Украинской ССР. Западные земли Подолья вошли в состав Польши и только в 1939 г. были воссоединены с Советской Украиной, образовав Тернопольскую область¹².

Как видим, нынешнее административное подразделение не сохранило традиционного наименования (Подолье). И тем не менее оно прочно удерживается (как свидетельствуют данные этносоциологического обследования)¹³ в краевом самосознании современного населения. Правда, степень фиксации этого понятия в сознании населения разных зон Подолья различна.

Вопрос об этнорегиональном самосознании (как одним из критериев историко-этнографического районирования) заслуживает особого внимания. Мы к нему еще вернемся при анализе полевого этнографического материала. Здесь же важно подчеркнуть, что неоднозначность этнорегионального самосознания сопряжена с некоторой «размытостью» границ Подольского края, территория которого менялась на протяжении столетий.

И надо полагать, что те земли, которые постоянно оставались в составе Подолья, стали «ядром» формирования подольской традиционно-бытовой культуры и четко выраженного краевого самосознания населения. И напротив, земли, входившие в состав Подольского края лишь в определенные промежутки времени, составили переходные зоны от типично «подольской» культуры к «волинской», «карпатской», «буковинской», «буджакской» или «среднеднепровской».

Характер же такого перехода, как и размеры переходных зон, обусловлены длительностью существовавших границ и различиями в политическом, социально-экономическом и этнокультурном развитии населения, проживавшего за этими границами. В данной связи мы вновь должны обратиться к проблеме этнорегионального пограничья, в частности к вопросу о том, что все-таки следует считать Подольем. Вопрос этот не простой, поскольку документально обоснованных карт, отражавших динамику всех территориальных изменений Подолья, нет (украинские историки только начинают разработку этой проблемы) и нередко приходится пользоваться лишь приблизительными данными.

Если говорить о территории древнего Подолья, то она, по свидетельству летописцев, занимала огромное пространство в междуречье Днестра и Южного Буга, от их верховий до Черного моря. «Край Подольский чрезвычайно обширен, — писал один из хронистов XVI в. Гванини, — с юга он касается границ

Молдавии и Валахии, а с востока над рекою Доном, при Меотийском озере, при море Эвксинском до самых татар Перекопских»¹⁴.

Такова территория древнего Подолья в государственно-территориальном отношении. В географическом плане она понималась более широко — как пространство, занимающее всю нижнюю (дольную) часть галицко-русского нагорья, включая Винницу, Житомир, Кременец, Звенигород, Тереховль, Збараж и даже Черкассы. Сведения о географическом определении Подолья важны еще и потому, что позднейшие летописцы и исследователи по старой памяти причисляли к Подолью местности, которые ему уже не принадлежали и, более того, входили в состав разных государств. Тем самым они способствовали закреплению у населения расчлененного Подолья первоначального краевого самосознания, формируя идею исторической и культурной общности.

Как уже говорилось, территория Подолья (а это видно из карт Н. Кузана, С. Мюнстера, Г. Меркатора, Г. Боплана, И. Бруно, Т. Китчина) в государственно-территориальном отношении все время менялась. В середине XV в. Подольское воеводство (северо-западная часть Подолья) на севере ограничивалось р. Горынь, на западе — р. Серет, на юге — Днестром, на юго-востоке — р. Мурафа. Брацлавское воеводство (юго-восточная часть) на севере граничило с Подольским и Волынским воеводствами, на юго-западе — с Молдавией, на востоке — с Киевским воеводством. В таких границах Подолье почти без изменений оставалось на протяжении трех с половиной веков, до 1795 г., т. е. весь период польского владычества¹⁵.

В XVII в. Подолье, как видно из анализа карты Г. Боплана, имело минимальные размеры и включало только ту территорию, которая, собственно, и составила ядро региона. На западе оно ограничивалось р. Коропцом, на востоке — землями, расположенными между р. Мурафа и верхним течением Буга близ Хмельника. Северной границей служила условная линия, идущая от верховья р. Серет (близ Иванчева и Збаража) до верховьев Южного Буга. На юге границей Подолья был Днестр¹⁶. В этих границах оно существовало более трех столетий — срок, в течение которого должны были сложиться и своеобразная культура населения, и достаточно устойчивое краевое самосознание. Словом, есть основания полагать, что названная территория в известной мере явилась ядром «подольской» культуры; другие же районы, вошедшие в Подолье позже, стали своеобразными переходными зонами, вобравшими черты культуры населения тех регионов, в составе которых они пребывали в соответствии с менявшимся государственно-административным делением.

К концу XVIII в. Подольское наместничество (так стало именоваться Подолье) включало 12 округов: Кременецкий, Ушицкий, Вербовецкий, Городокский, Зеньковский, Летичевский, Проскуровский, Старокопчанский, Базалийский, Ямпольский, Каменецкий и Дубновский; Брацлавское — также 12: Брацлавский, Винницкий, Литинский, Хмельникский, Сквирский, Гайсинский, Тульчинский, Балтский, Могилевский, Бершадский, Трастянецкий, Ольгопольский. В таком составе Подолье пребывало недолго, поскольку указом 1796 г. из бывшей Польской Украины, Волыни и Подолья, присоединенных к Российской империи, были образованы две губернии — Подольская и Волынская. В Подольскую губернию вошли 12 уездов, к которым позже прибавились еще восемь. Таким образом, территория Подолья значительно расширилась, хотя и не достигла своих первоначальных размеров. На севере Подолье граничило с Волынской губернией, в частности Проскуровский и Летичевский уезды — со Старокопчанским, Литинский — с Новоград-Волынским и Житомирским; на востоке — с Киевской губернией: Винницкий и Брацлавский уезды — с Липовецким, Гайсинский и Балтский — с Уманским; на юго-востоке — с Херсонской (Балтский уезд граничил с Ольгопольским и Ананьевским); на юго-западе — с Галицкой губернией¹⁷.

Интересно отметить, что в прошлом границами региона, как правило,

Рис. 1. Динамика территории Подолья
 (1 — территория «Земли Подольской» (XIV—XV вв.); 2 — территория Подольского воеводства (XVII—XVIII вв.); 3 — территория современного Подолья как историко-этнографического региона Украины)

служили естественные барьеры, чаще всего реки, иногда болота или горные кряжи, создававшие дополнительные (помимо административных границ) препятствия для общения населения. Так, естественными границами Подольской губернии XIX в. на севере служили р. Горынь и Кременецкий кряж, отделявшие ее от Волыни; на востоке реки Жердь и Ятрань отграничивали Подолье от Киевской губернии; на юго-востоке реки Синюха и Кодыма служили границей с Херсонской губернией; на юге Днестр отделял Подольскую губернию от Бессарабии, а на западе р. Збруч — от Галиции.

Некоторые из названных водных рубежей позже превратились в государственные границы, еще более ослабив этнокультурные контакты населения Подолья с жителями других регионов Украины и Бессарабии. Так, Днестр в XIX в. отделял Подолье от австро-венгерских и румынских владений, Збруч (после оккупации в 1920 г. Польшей западного Подолья) — от Польши. Обе реки превратились в своеобразный водораздел некогда единой традиционно-бытовой культуры и краевого самосознания населения, проживавшего по разным их берегам.

Как видим, территория Подолья в отдельные периоды его истории существенно различалась. В одно время этот регион занимал почти всю Подольскую возвышенность, в другое — лишь среднюю ее часть (рис. 1).

Что же в таком случае следует считать Подольем? Думается, что основанием для выделения любого историко-этнографического региона должны служить по меньшей мере три признака: исторические особенности развития края, своеобразие процесса формирования традиционно-бытовой культуры его населения и краевое самосознание населяющих его людей. Конечно, все названные признаки взаимосвязаны: своеобразие исторического развития края, в частности межгосударственные его членения, не могли не сказаться на формировании в пределах Украины локального типа традиционно-бытовой культуры, а в пределах региона — зональных вариантов; соответственно этому должно было формироваться и краевое самосознание, довольно устойчивое в границах «ядра» и размытое на пограничье.

Определение территориальных границ Подолья как историко-этнографического региона должно увязываться с историей края. Этот аспект важен еще и потому, что среди исследователей на этот счет нет единства взглядов. В. П. Самойлович, например, к Подолью относит Винницкую и Хмельницкую

(без Славутского района) области, а также Любарский, Андрушевский и Бердичевский районы Житомирской области и Балтский район Одесской области¹⁸. По мнению Т. В. Косминой, Подолье включает три области — Винницкую, Хмельницкую и Тернопольскую, а также четыре района (Балтский, Савранский, Котовский и Кодымский) Одесской области¹⁹. Украинские историки, строго следуя современному административному делению, включают в Подолье только три области — Винницкую, Хмельницкую и Тернопольскую²⁰.

Анализ изменений территории Подолья выявляет более сложный контур границ, чем в существующих разработках. Определяя территориальные параметры края, казалось бы логичным исходить из максимальных его границ. Однако такой подход вряд ли оправдан, поскольку не все земли находились в составе Подолья достаточно долго для того, чтобы сформировалась однотипная традиционно-бытовая культура. К тому же территория Подолья была максимальной очень давно. И вряд ли у его населения могло сохраниться четкое краевое самосознание и самоназвание.

При определении территории историко-этнографического региона, в данном случае Подолья, можно, очевидно, воспользоваться тем методом, который применяют антропологи, выявляя типичные черты какой-либо этнической общности: методом наслаивания всей совокупности наиболее различающихся антропологических типов получают некий «усредненный» тип.

Сопоставив тем же способом все существовавшие когда-либо контуры границ Подолья, получаем наиболее приближенную к реальности историко-территориальную модель края. Более точная ее корректировка может быть произведена путем привлечения этнографического материала, анализ которого позволяет не только уточнить контуры региона, но и выявить переходные зоны.

Этнографические особенности края — второй важнейший признак историко-этнографического районирования. Отмечая это, мы вовсе не делаем открытия, зная, что все этнографы учитывают этот признак в своих исследованиях. Важно, однако, подчеркнуть, что при историко-этнографическом районировании должны учитываться не отдельные компоненты традиционно-бытовой культуры (как нередко и делалось, что порождало несопоставимость в определении границ региона), а вся их совокупность, все или по крайней мере многие сферы жизнедеятельности населения.

Принцип комплексности этнографического обследования (как необходимое условие историко-этнографического районирования) затрагивает еще одну важную проблему — определения региональной специфики традиционно-бытовой культуры. Действительно, как выявить ее самобытность, на основании каких критериев можно утверждать, что на этой территории бытует «подольский» вариант культуры, а на соседних — «волинский», «карпатский», «буковинский» или какой-то иной?

Определение регионального типа культуры возможно с помощью двухмерного анализа — количественной его стороны и содержательной. Основой количественного анализа может быть принцип, в последнее время довольно успешно используемый систематиками, утверждающими, что система имеет право на существование лишь при условии, когда суммарный коэффициент ее внутренних связей превышает коэффициент внешних связей²¹. Применительно к историко-этнографическому региону это положение можно сформулировать так: региональный вариант традиционно-бытовой культуры может быть признан самостоятельным, если весь ее комплекс имеет больше общего, нежели различий. Хотя бы незначительное превышение различий должно, очевидно, свидетельствовать о том, что мы имеем дело с периферийными зонами смежного региона.

Важно и сопоставление компонентов традиционно-бытовой культуры ядра и периферийных зон региона, а также исследуемого региона со смежными. Вопрос лишь в том, какие показатели при анализе традиционно-бытовой культуры использовать. Чтобы получить наиболее полное представление о специфике традиционно-бытовой культуры региона, конечно же, необходим анализ

всего комплекса ее компонентов с детализацией каждого из них. Только сплошное и систематическое обследование традиционно-бытовой культуры позволит определить ее региональное ядро, переходные зоны и межрегиональное пограничье.

Специфика же региона рельефнее всего проявляется при сопоставлении наиболее существенных этнокультурных компонентов. В качестве таковых могут выступать формы поселений, комплексы жилища и одежды, типы семьи, система обрядов, рацион питания и т. д. Анализируя, например, жилище Подолья и сопоставляя его с жилищем соседних регионов, можно выделить собственно подольский комплекс, который характеризуется наличием ряда признаков. Среди них — сочетание двух- и трехкамерного жилища с преобладанием каркасной техники, четырехскатной соломенной или камышовой крыши с высоким гребнем «под козлинами», печь с подвесным «комином» (дымоприемник) над «припичком» (шестком); декоративная полихромная роспись жилища и всех хозяйственных строений¹². Вкрапление в этот комплекс нетипичных для ядра подольской культуры элементов говорит о том, что мы имеем дело с отдельными вариантами подольской культуры, а типологические изменения свидетельствуют о переходных межрегиональных вариантах или же о качественно новых комплексах.

Скажем, для смежного с Подолем Полесского региона характерен качественно иной комплекс жилища: замкнутый двор, преобладание хаты с большими сенями и двускатной крышей; для Волынского региона — двор с «пидварком» — комплексом хозяйственных построек, отнесенных в глубину усадьбы, преобладание жилого помещения, размещенного в один ряд с кухней и легкими сенями; для Буковины — рубленые дома, лишь частично (полосами) обмазанные глиной.

Те же существенные региональные различия можно наблюдать и в других компонентах традиционно-бытовой культуры: комплексах одежды, типах семьи и формах брака, нормах обычного права, системе обрядов и пр.²³ В данной статье мы не ставили задачу опубликовать результаты детального анализа всех компонентов традиционно-бытовой культуры Подолья и смежных с ним регионов, хотя такой анализ осуществлялся. Для нас сейчас важнее, используя его результаты, обосновать основные методы и принципы районирования.

Сопоставление региональных типов традиционно-бытовой культуры и анализ динамики историко-территориальных изменений позволили уточнить контуры границ Подолья, его переходных зон, а также специфику традиционно-бытовой культуры проживавшего в них населения. Относительно территории Подолья наибольшие споры вызывает определение его северных и западных границ. Причем суть их сводится в основном к широкому и узкому толкованию территориальных границ Подолья.

Один из выразителей первой точки зрения, И. К. Свешников, считает, что северная граница Подолья проходит по линии Кременец — Староконстантинов, а западная — по западной границе современной Тернопольской области²⁴. Сторонник второй позиции, В. П. Самойлович, полагает, что северная граница Подолья ограничивается линией Хмельник—Збараж, а западная — р. Збруч²⁵. В первой концепции учитывается то состояние Подолья, которое было характерно для раннего периода его истории (XIII—XIV вв.); во второй — состояние Подолья на конец XIX в., когда его размеры были минимальны.

Представляется, что обе точки зрения недостаточно правомерны, поскольку во внимание принимается лишь временное состояние Подолья и не учитывается историческая динамика его границ. Так, в разные времена северная граница региона проходила и по р. Горынь, и по линии Кременец — Староконстантинов; западная также не была стабильной, проходя то по линии Тернополь — Поток, то по р. Збруч, то вновь отодвигаясь на запад. Сходные изменения происходили и на юго-западной и юго-восточной границах²⁶.

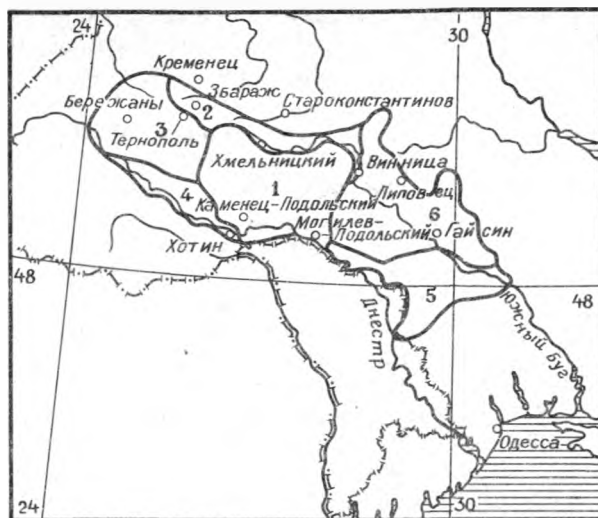

Рис. 2. Этнографические зоны Подолья
 (1 — «ядро» Подолья; 2 — северная зона; 3 — западная зона; 4 — юго-западная зона; 5 — юго-восточная зона; 6 — восточная зона)

Такое «мерцание» границ не могло не сказаться на некотором расширении общей территории Подолья и на разнообразии переходных зон, а в целом — на плавности перехода от собственно подольского типа культуры к иным региональным типам. Динамика территориальных изменений должна была обусловить сложное состояние ареала подольского типа традиционно-бытовой культуры. В этой связи нельзя согласиться с концепцией, согласно которой Подолье подразделяется на две части: восточную, в своей основе близкую к типу традиционно-бытовой культуры Среднего Поднепровья, и западную, вобравшую карпатские, а в известной мере и польские черты культуры.

Этнокультурная реальность намного сложнее. Как показывают материалы комплексного обследования, проведенного в 1987—1988 гг., на Подолье можно выделить несколько зон. Это прежде всего центральная зона («ядро» Подолья), включающая центральные районы Винницкой и Хмельницкой, а также восточные районы Тернопольской области; северная зона, начинающаяся по линии Збараж — Хмельник и доходящая до линии Староконстантинов — Кременец; западная, отделяемая от «ядра» Подолья р. Збруч и на западе проходящая по линии Тернополь — Бережаны — Червоноград; юго-западная, частично включающая земли Заднепровья (Хотина, Сокирия и Кельменца); юго-восточная, начинающаяся от р. Кодымы и включающая Балтский и отчасти Савранский районы Одесской области; восточная, проходящая по линии Бершадь — Гайсин — Липовец (рис. 2).

Каждая переходная зона характеризуется вкраплением в ареал собственно подольского типа традиционно-бытовой культуры элементов культуры смежных с ним регионов. Критерием для определения внешних границ переходных зон, по-видимому, может служить такое состояние традиционно-бытовой культуры, при котором в основном уравниваются компоненты, присущие подольскому типу и типу культуры смежного региона. Очевидно, что в силу некоторой неопределенности критерия выделения зональных вариантов крайняя граница регионального типа культуры в известном смысле условна; она оправдана лишь потому, что именно в этих пределах собственно подольские элементы культуры преобладают.

Чтобы рельефнее представить зональные варианты «подольской» культуры и в то же время оттенить ее специфичность, думаем, будет оправданным сосредоточиться не на сходных чертах (ведь традиционно-бытовая культура

украинцев всех регионов имеет общую основу), а на различиях. Так, для сферы брачно-семейных отношений в центральных районах Подолья в конце XIX в. были характерны относительная самостоятельность молодежи в выборе брачного партнера, значительное участие женщин в распорядительных функциях семьи, слабо выраженная авторитарность. Соответственно этому формировались обычное право, в частности право наследования, а также семейные обычаи и обряды, в известной мере и планировка дома, отражавшие процесс нуклеаризации и эгалитаризации семьи.

Северная же переходная зона в значительной степени вобрала черты, характерные для Волынского Полесья, где в этот же период преобладала большая семья; право наследования осуществлялось преимущественно по мужской линии, включая и братьев. Обрядность тоже сохранила целый ряд архаических черт.

В западной переходной зоне, где было сильно влияние греко-католической церкви, семейный быт отличался определенной замкнутостью, а брачно-семейные отношения — особой авторитарностью; здесь была сильна зависимость детей от родителей, жены от мужа; узок круг досуговых форм общения молодежи. Кроме того, в этой зоне заметно ощущалось влияние польской культуры; в юго-западной переходной зоне — румынской, в южной — молдавской и отчасти тюркской.

Даже схематически представленная зональность Подолья свидетельствует об определенных различиях между традиционно-бытовой культурой его населения и населения смежных регионов, что может быть, как уже говорилось, серьезным аргументом для выделения Подолья в самостоятельный историко-этнографический регион. Дело, однако, в том, что, осуществляя подобное районирование, исследователи обычно пользуются материалами, относящимися к сравнительно давним временам, чаще всего к концу XIX в. И в нашем исследовании преобладал именно такой материал, что в целом оправдано, поскольку он наиболее рельефно отражает этнорегиональную специфику.

Однако при этом вполне закономерно возникает вопрос: а имеем ли мы право переносить некогда сложившееся районирование на современный пласт культуры? Другими словами, обоснованно ли деление современных республик на отдельные историко-этнографические регионы? Исследование показывает, что определенные основания для этого есть. И в настоящее время в традиционно-бытовой культуре прослеживаются этнорегиональные особенности, хотя и не проявляющиеся уже столь отчетливо.

Но даже если иметь в виду усиливающуюся тенденцию к этнокультурной интеграции, говорить о стирании этнорегиональных различий преждевременно. Во-первых, этнорегиональная специфика довольно отчетливо проявляется в таких компонентах культуры, как пища, жилище, поселения, а также в обрядах, нормах поведения и общения. Во-вторых, в настоящее время наблюдается всплеск интереса к истории и культуре своего края, к культурным достижениям народов других регионов. Происходит, таким образом, рост и регионального, и этнического самосознания.

Осознание людьми причастности к своему краю, к истории и культуре его населения, принятие ими исторического названия региона представляется важным основанием для историко-этнографического районирования. Выделяя этнорегиональное самосознание в качестве одного из критериев районирования, мы отдаем себе отчет в том, что оно не во всех регионах достаточно выражено. И все же считаем, что в принципе оно должно существовать: или в самоназвании, в осознании своей общности с жителями региона, или же как историческая память.

Что касается жителей Подолья, то они, как показало исследование, как правило, знают историческое название региона и считают себя подольянами. Правда, подобное восприятие его не везде одинаково устойчиво. А это в извест-

ной мере может служить индикатором для уточнения контуров «ядра» Подолья как историко-этнографического региона.

В центральных его районах этнорегиональное самосознание достаточно ясно выражено. Судя по материалам пилотажного этносоциологического обследования, осуществленного под руководством автора в 1988 г. (объем выборочной совокупности — 520 человек), 47% опрошенных осознают себя подолянами, 38%, не называя себя подолянами, осознают свою причастность к Подолью как родному краю и 15% имеют смутное представление о Подолье. В периферийных зонах этнорегиональное самосознание у людей несколько иное: подолянами осознают себя 23%, причастными к своему краю и его истории — 41%, имеют смутное представление о Подолье 26%²⁷.

В районах межрегионального пограничья до 73% опрошенных затрудняются определить свое этнорегиональное самосознание и высказать четкое отношение к историческому названию региона. Скажем, в районе Староконстантинова — переходной зоне между Подольем и Волынью — около 69% не могут с уверенностью сказать, проживают они на территории Подолья или Волини, и соответственно до 75% неуверенно называют свой историко-этнографический регион. Проживающие же несколько севернее, в частности в районе Кременца, с достаточной уверенностью называют себя волянянами (70%) или более общим названием — полешуками (21%), и лишь небольшая часть (9%) — подолянами.

Подобная ситуация наблюдается и в других периферийных зонах Подолья, хотя уровень проявления этнорегионального самосознания в каждой из них различен. Обычно там, где барьеры для этнокультурных контактов были значительными и длительными, переход от одного типа этнорегионального самосознания к другому довольно резок. Таковы районы пограничья Збруча, Днестра, Кодымы. Так, население, проживающее на левобережье Днестра, осознает себя подолянами (до 59%), а жители правобережья — буковинцами (до 65%). В районах восточных периферийных зон Подолья, где барьеры для этнокультурных контактов были слабыми, переходная зона от одного типа этнорегионального самосознания к другому достаточно велика, а этническая ситуация спокойна. В местах же резких переходов их сохраняется потенциальная этническая напряженность, которая обычно проявляется или в пренебрежительном отношении к традициям и обычаям людей соседнего региона (зоны), или в употреблении по отношению к ним названий, содержащих оттенок пренебрежения.

Как показало исследование, районами этнической и этнокультурной напряженности обычно оказываются некогда существовавшие государственно-административные границы, разделявшие отдельные земли Украины. Как правило, границы давно исчезли, но они оставили след в сознании людей и в известной мере определяют их этническое поведение. Уже одно только выявление этого аспекта проблемы межэтнических отношений, думается, оправдывает обращение к теме историко-этнографического районирования, которое было предпринято в данной статье.

Примечания

¹ Можно назвать только статью в Украинской энциклопедии. См.: Горленко В. Ф. Этнографічне районування Ураїни // Українська географічна енциклопедія. Київ, 1990. С. 614.

² Тези доповідей наукової історико-краєзнавчої конференції. Етнографія, фольклор. Тернопіль, 1990. 48 с.

³ См.: История Украинской ССР. Т. II. Киев, 1982. С. 15—55; Т. III. 1983. С. 468; Т. IV. 1983. С. 569—573; Т. VI. 1984. С. 569—573.

⁴ См.: Бойківщина. Історико-епографічне дослідження. Київ, 1983; Гуцульщина. Історико-епографічне дослідження. Київ, 1987; Полесьє матеріальна культура. Киев, 1988.

⁵ См., например: Атлас української мови. Київ, 1985; Демографічний розвиток Української РСР. Київ, 1987.

- ⁶ Народа з питань про етнографічні групи та локальні особливості в культурі і побуті українського народу кінця XIX — початку XX ст. // Українська етнографія. Київ, 1958. С. 162—171.
- ⁷ Тези доповідей наукової конференції «Проблеми етнографії Поділля». Кам'янець-Подільський, 1986. С. 96—97.
- ⁸ См., наприклад: *Стельмах Г. Ю.* Етнографічне районування України кінця XIX — початку XX ст. // Українська етнографія. С. 112.
- ⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 166—167.
- ¹⁰ *Симанкевич М.* Историко-географический и этнографический очерк Подольи (Из «Подольских епархиальных ведомостей»). Каменец-Подольский, 1875. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² Історія міст і сіл Української РСР. Тернопільська область. Київ, 1973. С. 9, 36.
- ¹³ Пилотажное этносоциологическое исследование было проведено под руководством автора в 1988 г. Материалы хранятся в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылского АН УССР. См.: Фонды ИИФЭ АН УССР. Ф. 14-5. Ед. хр. 397. Л. 35.
- ¹⁴ Zbiór dziejow, polskich. T. IV. Kronika Sarmacyi Europejskiej, A. Gwagnina. Warszawa, 1768. S. 327.
- ¹⁵ *Симашкевич М.* Указ. раб. С. 8.
- ¹⁶ *Ляскоронский В. И.* Гильом Левассерт-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901. С. 11, 33—35.
- ¹⁷ *Карачківський М. Ф.* ср. Опис Поділля з 1819 року. В. Рудницького (До історії Поділля поч. XIX ст.) // Студії з історії України. Київ, 1929. С. 96—111.
- ¹⁸ *Самойлович В. П.* Українське народне житло (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 1972. С. 19, 31.
- ¹⁹ *Косміна Т. В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.). Историко-етнографічне дослідження. Київ, 1980. С. 5—7.
- ²⁰ Історія міст і сіл Української РСР. С. 9.
- ²¹ См.: *Афанасьев В. Г.* О целостных системах // Вопр. философии. 1980. № 6. С. 65.
- ²² *Косміна Т. В.* Указ. раб. С. 188.
- ²³ См.: *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія: историко-етнографічне дослідження. Київ, 1977. 153 с.; *Николаева Т. А.* Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. 246 с.; *Пономарев А. П.* Развитие семьи и брачно-семейных отношений на Украине. Киев, 1989. 314 с.
- ²⁴ См.: *Свешников І. К.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974. С. 31, 54.
- ²⁵ *Самойлович В. П.* Указ. раб. С. 19, 31.
- ²⁶ См.: Історія міст і сіл Української РСР. Чернівецька область. Київ, 1969. С. 12—36; Історія Української ССР. Т. II. Київ, 1982. С. 15—69, 407—423.
- ²⁷ Фонды ИИФЭ АН УССР. Ф. 14-5. Ед. хр. 397. Л. 21.